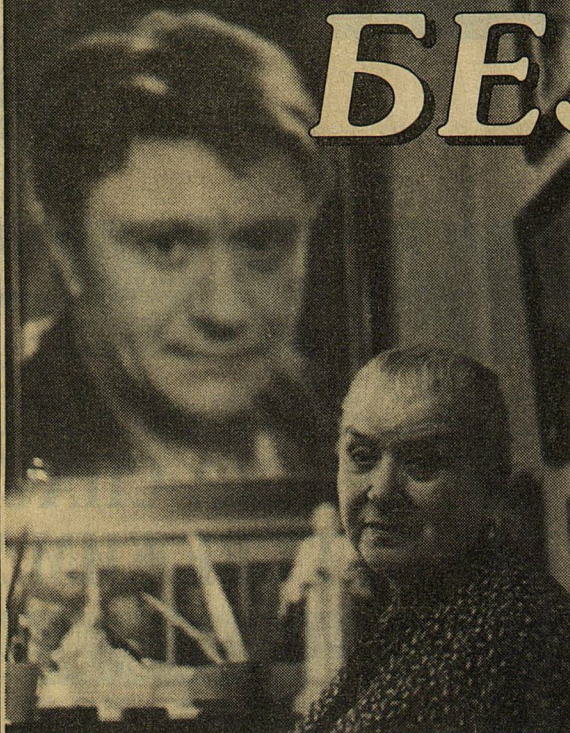

Моск. комсомолец - 1996 - 6 янв. - с.2.

БЕЗ ГРИМА

**Завтра
Марии Мироновой
исполняется 85 лет**

Восемьдесят пять! Из них шестьдесят восемь на сцене! Вопросы, которые я хочу ей задать, налезают друг на друга, как люди в очереди за колбасой времен развитого социализма. Вопросы и про Благородное собрание, где она танцевала девочкой. И про нэп. И про великих артистов, с которыми дружила всю жизнь... Но не нахожу, идиотка, ничего умнее, чем спросить про возраст, мол, как себя ощущает...

Пудра рассыпная, волосы не красит

— Если бы я ощущала все 85, я бы не выступала на сцене. Я и в пьесе даже говорю: "Почти все то же самое, только ноги плохо ходят". Я не делаю вид, что выбегаю на сцену. Я выхожу так, как могу выходить. Вы смотрите на меня? Смотрите. Перестанете смотреть, я перестану выходить. Но молодиться? Краситься в другой цвет?..

— **Вы никогда не скрывали свой возраст?**

— Ни-ко-гда.
— **Но женщины всегда хотят казаться моложе...**

— Лично я в этом смысле с собой не сталкивалась. Я всегда знала, сколько мне лет. Чего могу, а чего не могу. Знаете, Марина, обо мне обычно говорили так: "Миронова? Господи, да я была девочкой, а она уже на сцене выступала. Сколько же ей лет?" Когда мне сейчас 85, все думают, что мне уже 100. А никто не понимает, что когда девочка сидела в зрительном зале, другая девочка была на сцене.

И.С.Афан. Восемимесячная Маруся на руках у матери.

— **Все знают — Миронова не пользуется гримом. Почему? Ведь с возрастом блекнут черты лица.**
— А я и играю блеклую старуху.
— **Но законы театра...**
— Не надо говорить мне про законы. Законы театра, как и законы кино, не выносятся, когда человек из себя что-то делает.
— **Вы хотите сказать, что, идя в гости, не краситесь?**
— А уж в гости чего краситься? Они не знают, кого позвали? У меня свой метод жизни. Я никогда не бываю у косметичек. Пользуюсь хорошим кремом. Чуть припудриваюсь пудрой, но только рассыпной. Губы крашу бледным цветом. Вот так...

Без сказочки нет правды

— **А это правда, Мария Владимировна, что ваш муж — Александр Семенович Менакер — вас называл "ведьма с голубыми глазами"?**

— Это сказал не Менакер, а конференсье Менделевич. Пошутил. Вы можете смеяться, Марина, но мы ни разу за 45 лет с Александром Семеновичем не поссорились.

— **Так не бывает. Идиллия, сказочка.**

— Вот и считайте, что в моей жизни была такая сказочка — светло-розовая с финтифлюшками. Менакер был главным в семье. Он был моим зеркалом на сцене и в этой квартире. Я была счастливая женщина. Я вот сейчас и расплачиваюсь за то, какая я была счастливая. И как же меня судьба покарала в последние годы.

— **За что? Вы нашли для себя ответ?**

— Я думаю, что Бог нам всем дает испытания. Одним — более жестокие. Другим — менее. Человечество очень провинилось.

— **Но вы не можете отвечать за все человечество...**

— За все — нет! Но я ведь десятиллиардная, не знаю какая, триллионная, может быть, частичка человечества... Но что же роптать. Судьба с одной стороны жестока, а с другой — дает мне возможность на самообслуживание. Вот я выхожу на сцену. Я понимаю, что я не в том виде, в котором когда-то была. Но сейчас я и делаю другое.

— **Ваши героини на эстраде и в спектаклях пережили страшную трансформацию от мешанок до мудрых старух...**

Самый возраст читать "МК"

— А я вам скажу, почему. Вот в чем я себе не могу отказать, Марина. Это в том, что у меня голова работает. Я не могу сказать, что я старуха мудрая, но все же далеко не глупая старуха, которая соображает, может быть, лучше многих депутатов и новых созывов, и старых.

— **Так, мы сели на вашего любимого конька. Куда поедет?**

— Политическая жизнь не может пройти мимо меня.

— **Мария Владимировна, а сколько газет вы читаете?**

— Немного. "Московский комсомолец", я как раз в том возрасте, когда его читают. "Семь дней", журнал "Крестьянка", газету "Культура", которая раньше была советской. И опять же, глядя на нашу Думу, я поняла, что такое советская культура.

— **А скажите, какая-нибудь политическая партия не пыталась вас привлечь к своей предвыборной кампании?**

— В 85 лет уже куда не привлекают. Вот орден мне хороший дали — "За служение Отечеству". А Отечество свое я люблю, несмотря на все его ужасы и недостатки. Меня из этого Отечества так же, как и моего сына, нельзя вычеркнуть.

Народные избранники говорят, будто знают, что надо сделать, чтобы народ был счастлив. А я знаю, что не нужно делать, для того, чтобы наш народ был счастливым. Не нужно воевать, воровать и врать.

Без страха? Без обид?

— **Что вас сегодня может обидеть?**

— Любое проявление неуважения. Если меня оскорбит человек, равный мне по знанию жизни, по интеллекту, это очень обидно. А если какой-то парень решит плюнуть на "эту старуху", что у нас вполне возможно, я решу, что либо он пьян, либо нанюхался.

— **А что может рассмешить, развеселить?**

— Меня многое смешит в Думе. Мне кажется, что там люди, которых трудящиеся выбрали для смеха: они ходят в разноцветных пиджаках, одевают на себя женскую грудь... Жутко и смешно.

— **У вас появились новые привычки?**

— Привычка к комфорту и ничегонеделанию. Особенно сейчас я люблю быть барыней, не имея для этого никаких возможностей.

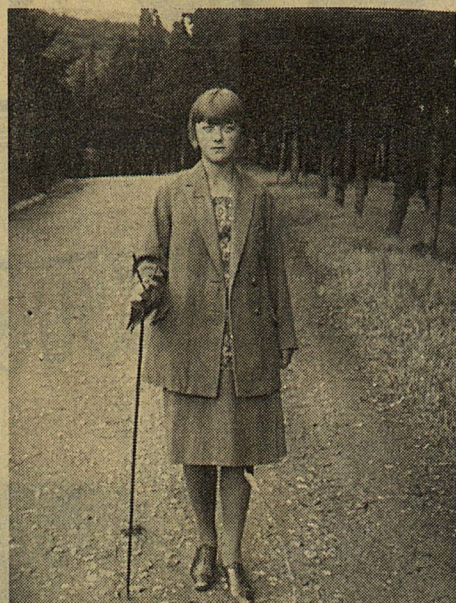
— **А новые симпатии появились?**

— Мне очень понравился писатель Александр Кабаков. Настолько, что я даже нашла его телефон и позвонила ему. По-моему,

он очень порядочный человек.

— **А чего вы больше всего боитесь?**

— Заболеть, потому что я одна. Заболеешь — некому ухаживать. Напротив меня поликлиника 4-го Управления, к которой, по-моему, прикреплены все: депутаты, их помощники, родст-

Маруся Миронова — студентка Техникума им. Луначарского.

венники. Лечатся бесплатно, а за меня Дом актера платил деньги. Сейчас платить не может. Вот я бы и хотела, чтобы на юбилей мой вместо подарков и цветов меня бы прикрепили к поликлинике, которую я вижу из окна.

Еще мне нравятся сливки, которые выдают в кофе. Так здорово получается.

— **Есть что-то положительное в нашей жизни?**

Без кастрюльки на голове

— Много есть положительного. Но надо за это положительное бороться. Я вот все время пою: "И вся-то наша жизнь есть борьба". Знаете?

Вот сейчас строят Храм Христа Спасителя. В этот Храм я с папой и с мамой всегда ездила к заутрене. Красоты этот храм был такой... Он был весь, как сахарный. Какие рельефы, какие мозаичные панно!.. У заутрени раздевались: на мне было белое платье, белый бант. Мама шикарно одета, папа...

Потом этот храм при мне зверски, изуверски, хамски растерзали. Сейчас, когда я проезжаю мимо на спектакль, я всегда повторяю: "Господи, не дай Бог мне увидеть, что его опять растерзают и сделают яму с хлором для того, чтобы в ней купаться".

— **Мария Владимировна, оглядываясь на свою жизнь, какое определение вы ей даете: прекрасная, ужасная, растерзанная, как Храм Христа Спасителя?**

— Я бы сказала так: из моих 85 — 70 лет — это рабская жизнь. И 15 лет — второй нэп. Через один я уже прошла. Но тогда, в 20-е годы, были производители, знавшие дело: Кондырин, выпускавший белье, Зеленкин, Шмелев, Барковский — все известные обувщики. Но их расстреляли. Сейчас трудно. Мы ничего не производим, живем на готовом...

— **А после выборов вы не боитесь возврата к прежнему?**

— Опасность этого всегда есть, потому что есть люди моего возраста, которые хотят эксгумировать Сталина. Эти старухи ходят с кастрюлями на головах и митингуют. У одной старухи, как сейчас помню, на фотографии или кастрюлька мала была, или лицо слишком упитанное — оно не помещалось в кастрюльку.

Вот мне трудно найти человека, который мне будет помогать по хозяйству. Эту работу считаю для себя унижительной. А раньше даже

дворянские дочери шли сиделками. Да что там, царские дочери были сестрами милосердия. Никакой труд не унижает человеческого достоинства, потому что это труд.

Без слез

— Я вообще никогда не плачу. У меня нет слез.

— **И даже тогда, когда случилось самое страшное, — вы потеряли сына?**

— Вот видите, Марина, — не бывает так. А со мной было. Все удивлялись, говорили: "Как такое может быть?" А я не плакала.

Когда спрашивают: "Вы одна, не скучно?" Нет, скучно мне никогда не бывает, потому что для этого есть книги, есть мысли, которые иногда посещают мою глупую голову. Но тоскливо мне бывает. Иногда думаю: "Вот поплакала бы я, и мне было бы не так тошно..." Ведь я потеряла самое дорогое, что у меня было, — Андрея. Но я, знаете, не совсем верю, что его нет. Вот если бы я это поняла — что его нет, — я была бы самым черным и несчастным человеком. Я верю: вот где-то он здесь, он есть, рядом, возле меня. Иногда, когда мне бывает совсем трудно, я захожу в комнату, где висят их фотографии — Андрея и Александра Семеновича, — и прошу, чтобы они мне помогли.

Вот я скажу, чем я горжусь. В Ермоловском музее Андрюшина экспозиция будет работать теперь постоянно. А наша коллекция из фарфора теперь имеет постоянное место в Музее прикладного искусства. Нет, мне не жалко эту дорогую коллекцию. Просто я подумала, что когда меня не будет, все это разойдется по кусочкам, растащат... А сейчас коллекция стоит в отдельной комнате, ходят экскурсия, написано: "Собрание Мироновой и Менакера". Господи, какая это прелесть!

В свой последний день рождения Андрю-

Миронова, Райкин, Менакер — друзья с 39-го года.

ша сказал: "Мама, поедem в Михайловское". И мы поехали: Гриша Горин с Любой, Андрей с Ларисой и я. Люба такие пироги пекла... Выпили шампанского... Потом Андрей читал Пушкина. На крыльце, без шапки, обхватил колонну рукой. Птицы поют, воробьи чирикают. Солнце! Он читал из "Евгения Онегина". Директор Михайловского Семен Гейченко сидел на кадлушке и плакал навзрыд...

Без лишнего слов

— **Мария Владимировна, завтра юбилей, и вы будете стоять на сцене...**

— А я не буду на сцене. Я буду сидеть в зрительном зале. Будут говорить: "Мария Владимировна, мы вас любим, уважаем..." А я им: "Спасибо". Вы поймите, это же не государственный юбилей, как у Майи Плисецкой. Это будет юбилейчик.

— **Почему "чик"? Актриса-то будь здоровая!**

— И то уж не ох какая большая. Много было лучше меня. Да и сейчас есть, наверное. Если обо мне скажут: "Легенда", я остановлю: "Давайте так уж не будем".

Я вот что придумала на юбилей. Свой спектакль "Уходил старик от старухи" я буду играть без финала. В какой-то момент я остановлю действие и скажу:

"Дайте свет. В этом месте пьесы у драматурга Злотникова старуха умирает. Но мне не хочется, чтобы в день моего 85-летия у вас осталось тягостное впечатление. Все это придет когда-нибудь своим чередом, но сейчас я вам этого удовольствия не доставлю. На мне наш род, наверное, не оборвется".

И выйдет Маша. "Вот это Маша Миронова, — скажу я, — моя внучка". И выйдет трехлетний мальчик. "Это Андрей Миронов — мой правнук. И я прошу вас любить их и жаловать..."

Марина РАЙКИНА.

Миронова и Менакер в спектакле "Мужчина и женщины".